

Бернард Льюис

АРАБЫ

В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

*С доисламских времен до распада
колониальной системы*

Бернард Льюис

**Арабы в мировой истории.
С доисламских времен до
распада колониальной системы**

«Центрполиграф»

2002

УДК 94(53)
ББК 63.3(3)

Льюис Б.

Арабы в мировой истории. С доисламских времен до распада колониальной системы / Б. Льюис — «Центрполиграф», 2002

ISBN 978-5-9524-5251-0

В классическом исследовании Бернарда Льюиса, одного из ведущих историков-востоковедов мира, рассматривается само понятие «араб» и место арабского народа в мировой истории с доисламских времен до победы движения за независимость и суверенитет в середине XX столетия. Автор прослеживает зарождение ислама и сопровождавшие его политические, религиозные и общественные события, превратившие разрозненные арабские племена в исламскую империю, и анализирует внутренние и внешние факторы, сформировавшие современный арабский мир. Льюис показывает, как западные нововведения и институты разрушили старые структуры и традиционный образ жизни арабов, так и не удовлетворив их потребность в социальном, политическом и культурном обновлении.

УДК 94(53)

ББК 63.3(3)

ISBN 978-5-9524-5251-0

© Льюис Б., 2002

© Центрполиграф, 2002

Содержание

Введение	6
Глава 1. Доисламская Аравия	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Бернард Льюис
Арабы в мировой истории. С доисламских
времен до распада колониальной системы

© Перевод на русский язык, ЗАО «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2017

Введение

Что значит «араб»? Этническим терминам, как известно, трудно дать определение, и понятие «арабский» не входит в число самых простых. Одно из возможных определений можно сразу же отбросить в сторону. Арабы могут быть народом, это ничего не говорит об их гражданской принадлежности в юридическом смысле. Человек, называющий себя арабом, может по паспорту быть гражданином или подданным Саудовской Аравии, Йемена, Ирака, Кувейта, Сирии, Иордании, Судана, Ливии, Туниса, Алжира, Марокко или любого другого государства, которое идентифицирует себя как арабское. Некоторые из них – например, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, Сирийская Арабская Республика и Египетская Арабская Республика – даже ввели слово «арабский» в официальное название своей страны. Их граждане, однако, не называются просто арабами. Есть арабские государства, больше того, целая Лига арабских государств; но нет ни одного арабского государства, в котором все граждане являются арабами.

Но если «арабскость» и не имеет юридического содержания, тем не менее она реальна. Гордость араба тем, что он араб, осознание уз, связывающих его с другими арабами в прошлом и настоящем, не становится из-за этого слабее. В таком случае не является ли объединяющим фактором язык: может быть, араб – это просто тот, для которого арабский – родной язык? Это простой и на первый взгляд удовлетворительный ответ, однако и он не без недостатков. Говорящий по-арабски еврей из Ирака или Йемена или арабоязычный христианин из Ливана или Египта – это араб? Задайте этот вопрос, и вы услышите разные ответы и от самих этих людей, и от их соседей-мусульман. А является ли арабом арабоязычный мусульманин из Египта? Многие считают себя таковыми, но не все, да и к тому же слово «араб» по-прежнему в разговорном языке в Египте и Ираке отличает бедуинов из окрестных пустынь от коренного крестьянского населения великих речных долин. В некоторых кругах употребляют неудобоваримое слово «арабофон», чтобы отличить тех, кто просто говорит на арабском языке, от настоящих арабов.

Арабские вожди, собравшиеся много лет назад, дали такое определение слову «араб»: «Тот, кто живет в нашей стране, говорит на нашем языке, вырос в нашей культуре и гордится нашей славой, – это один из нас». Можно сравнить с этими словами определение, данное западным специалистом, сэром Гамильтоном Гиббом: «Арабы – это все те, для кого центральным фактом истории является миссия Мухаммада и память об Арабской империи и кто, кроме того, дорожит арабским языком и его культурным наследием, как своим общим достоянием». Надо отметить, что оба определения не чисто лингвистические. Оба добавляют условие культуры, а одно и религии. Оба следует интерпретировать исторически, ибо лишь через историю народа, называемого арабским, мы можем надеяться понять смысл этого термина, начиная от его примитивного и ограниченного употребления в древности и заканчивая его широким, но расплывчатым современным значением. Как мы увидим, на протяжении этого длительного периода значение слова «араб» постоянно менялось, и, поскольку это изменение было медленным, сложным и широким, мы обнаружим, что этот термин можно использовать одновременно в разных смыслах и что едва ли когда-то было возможно дать стандартное общее определение его содержания.

Происхождение слова «араб» до сих пор неясно, хотя филологи и предлагали объяснения различной степени правдоподобия. По мнению некоторых, это слово происходит от семитского корня, означающего «запад», и когда-то жители Месопотамии называли им народы к западу от долины Евфрата. Эта этимология вызывает сомнения с чисто лингвистической точки зрения, кроме того, этим термином пользовались сами арабы, а народ едва ли будет называть себя словом, описывающим его географическое положение с точки зрения другого народа. Более плодотворными были попытки связать это слово с понятием кочевничества. Это делалось разными

способами: соединением его с еврейским словом «арабха» – «темная земля», то есть степь, с «эреб» – «смешанный» на иврите, то есть неорганизованный, в отличие от организованных и упорядоченных оседлых общин, отвергаемых и презираемых кочевниками; с корнем «абхар» – «двигаться» или «передавать», – от которого, вероятно, происходит слово «иврит». Связь с кочевничеством подтверждается тем фактом, что сами арабы, по-видимому, издавна отличали этим словом бедуинов от арабоязычных жителей городов и деревень и фактически делают это до сих пор. Традиционная арабская этимология выводит слово из глагола со значением «выражать» или «излагать», но почти наверняка в действительности происходил обратный процесс. Аналогичная связь прослеживается между немецкими словами *deuten* – «объяснять народу» и *deutsch* – первоначально «принадлежащий к народу».

Самые ранние дошедшие до нас сведения об Аравии и арабах содержатся в главе 10 Бытия, где упоминаются названия многих народов и областей полуострова. Слово «араб», однако, не встречается в этом тексте, а впервые появляется в ассирийской надписи 853 года до н. э., в которой царь Салманасар III фиксирует победу ассирийских сил над заговором мятежных князьков; один из них именуется «ариби Гиндибу», который дал объединенной армии тысячу верблюдов. С того времени и до VI века до н. э. в ассирийских и вавилонских надписях появляются частые упоминания ариби, арабу и урби. В этих надписях фиксируется взимание дани с правителей ариби, как правило в виде верблюдов и предметов, которые указывают на их пустынное происхождение, а иногда говорится о военных походах в землю ариби. Некоторые из поздних надписей сопровождаются иллюстрациями ариби с их верблюдами. Эти походы на ариби были явно не завоевательными войнами, а карательными экспедициями, проводимыми с целью напомнить отбившимся от рук кочевникам об их обязанностях в качестве ассирийских вассалов. Их основной задачей была охрана ассирийских приграничных областей и линий сообщения. Ариби из надписей – кочевой народ, живущий на крайнем севере Аравии, вероятно в Сиро-Аравийской пустыне. Этот термин не включает в себя процветающую оседлую цивилизацию Юго-Западной Аравии, которая упоминается в ассирийских хрониках отдельно. Ариби можно отождествить с аравитянами из поздних книг Ветхого Завета. Около 530 года до н. э. термин «Арабая» начинает встречаться в персидских клинописных документах.

Самое раннее античное упоминание мы находим у Эсхила, который в «Прометее» упоминает Аравию как далекую землю, откуда приходят воины с остроконечными копьями. «Магос арабос», упомянутый в «Персах» в качестве одного из командующих войска Ксеркса, возможно, тоже араб. Именно в греческих произведениях мы впервые встречаем топоним Аравия (Арабия), образованный по аналогии с Италия и т. п. Геродот и вслед за ним большинство других греческих и латинских авторов распространяют термины «Аравия» и «арабы» на весь полуостров и всех его жителей, включая южных аравитян, и даже на восточную египетскую пустыню между Нилом и Красным морем. Таким образом, представляется, что это название в тот период охватывало все пустынные области Ближнего и Среднего Востока, населенные семитоязычными народами. Кроме того, именно в греческой литературе становится общеупотребимым и слово «сарацин». Оно впервые появляется в древних надписях, и, видимо, это название одного из пустынных племен на Синае. В греческой, римской и талмудической литературе оно используется для обозначения кочевников вообще, а в Византии и на средневековом Западе позднее стало применяться ко всем мусульманским народам.

У самих арабов слово «араб» впервые встречается в древних южноаравийских надписях, этих реликвиях процветающей цивилизации, созданной в Йемене южной ветвью арабских народов и уходящей в поздний дохристианский период и первые века христианства. В них «араб» означает бедуин, часто разбойник, и называют так кочевников, в отличие от оседлого населения. Первое упоминание на севере встречается в эпитафии из Намары начала IV века н. э., одной из старейших сохранившихся надписей на североарабском языке, который позже стал классическим арабским. Эта надпись, сделанная на арабском языке, но набатейским ара-

мейским алфавитом, говорит о смерти и достижениях Имру аль-Кайса, «царя всех арабов», в таких формулировках, которые свидетельствуют о том, что их заявляемая верховная власть не распространялась далеко за пределы кочевников Северной и Центральной Аравии.

Лишь после возникновения ислама в начале VII века мы получаем какие-то реальные данные относительно употребления этого слова в Центральной и Северной Аравии. Для Мухаммада и его современников арабы были бедуинами пустыни, и в Коране этот термин используется исключительно в указанном смысле и никогда не применяется к жителям Мекки, Медины и других городов. В то же время язык этих городов и самого Корана называется арабским. Здесь мы уже находим зачаток идеи, распространившейся в последующие времена, что чистейшая форма арабского языка – та, на которой говорят бедуины, у которых оригинальный арабский образ жизни и речи сохранился вернее, чем у кого-либо другого.

Великие волны завоевания, последовавшие за смертью Мухаммада, и создание его преемниками халифата во главе новой исламской общины широко распространили имя арабов по всем трем материкам – Азии, Африке и Европе и обозначили им одну из важнейших вех в истории человеческой мысли и достижений. Арабоязычные народы Аравии, кочевые и оседлые, основали огромную империю, простиравшуюся от Центральной Азии по всему Ближнему Востоку до Северной Африки на берегах Атлантического океана. С исламом в качестве национальной религии и новой империей в качестве трофея арабы оказались среди огромного числа разнообразных народов, различающихся расой, языком и вероисповеданием, среди которых они сформировали правящее меньшинство завоевателей и господ. Этнические различия между племенами и общественные различия между горожанами и жителями пустынь на некоторое время стали менее значительными, нежели различия между владыками новой империи и разными народами, которых они завоевали. В течение этого первого периода истории ислама, когда он был религией арабов, а халифат – государством арабов, этим словом стали называть тех, кто говорил по-арабски, кто был полноправным членом арабской общины в силу своего происхождения и кто лично или через своих предков был выходцем из Аравии. Это слово отделяло их от массы персов, сирийцев, египтян и других народов, которые оказались под властью арабов вследствие их грандиозных завоеваний, а также использовалось в христианской Европе и других странах за пределами исламского мира для обозначения жителя новой империи. Первые классические арабские словари дают нам две формы слова – «араб» и «arāb» – и утверждают, что второе обозначает бедуина, а первое употребляется в более широком смысле, описанном выше. Это различие, если оно достоверное – а в старинных словарях многое существует исключительно в лексикографическом поле, – должно впервые появляться в этот период. До него мы не встречаем никаких признаков подобного употребления. И по всей видимости, оно сохранялось недолго.

Начиная с VIII века халифат постепенно превращается из Арабской в исламскую империю, в которой принадлежность к правящей верхушке определялась вероисповеданием, а не происхождением. Поскольку все большее число завоеванных народов обращалось в ислам, религия перестала быть национальным или племенным культом арабских завоевателей и приобрела универсальный характер, который сохранила и по сию пору. Развитие экономики и прекращение захватнических войн породило новый правящий класс администраторов и торговцев, неоднородный по этнической принадлежности и языку, который вытеснил арабскую военную аристократию, появившуюся в результате завоеваний. Это изменение нашло отражение в устройстве и составе правительства.

Арабский оставался единственным официальным языком и основным языком управления, торговли и культуры. Богатая и разнообразная цивилизация халифата, созданная людьми многих национальностей и вероисповеданий, была арабской по языку и в большой степени также и по тону. Использование прилагательного «арабский» для описания различных аспектов этой цивилизации часто вызывало сомнение на том основании, что вклад в «арабскую

медицину», «арабскую философию» и т. д. со стороны имевших арабское происхождение был относительно невелик. Критиковалось даже использование слова «мусульманский», поскольку многие создатели этой культуры были христианами и иудеями, и поэтому был предложен термин «исламский» как обладающий культурной, а не чисто религиозной или национальной коннотацией. Однако подлинно арабские особенности цивилизации халифата больше, чем позволило бы предположить простое рассмотрение этнического происхождения отдельных его создателей, и использование термина «арабский» оправдано при условии четкого разграничения его культурных и национальных коннотаций. Другой важный момент – то, что сегодня в коллективном сознании арабов именно арабская цивилизация халифата в этом более широком смысле является их общим достоянием и формообразующим влиянием в культурной жизни.

В то же время этническое содержание слова «арабский» тоже менялось. Распространение ислама среди покоренных народов сопровождалось и распространением арабского языка. Этот процесс ускорился с переселением большого числа жителей Аравии в провинции, а с X века – с появлением нового правящего народа, турок-сельджуков, – различия между потомками арабских завоевателей и арабизованных туземцев потеряли былое значение. Почти во всех провинциях к западу от Ирана прежние местные языки вымерли и арабский стал главным разговорным языком. Начиная с поздних Аббасидов слово «араб» возвращается к своему исходному значению – бедуин или кочевник, становясь по сути социальным, а не этническим термином. Во многих западных хрониках Крестовых походов он применяется исключительно к бедуинам, в то время как массы мусульман Ближнего Востока называют сарацинами. Несомненно, именно в этом смысле Торквато Тассо говорит в XVI веке:

Арабы к ним другие примыкают:
Кочевники без прочных очагов...

Освобожденный Иерусалим.
XVII. 21

Арабский историк XIV века Ибн Хальдун, сам горожанин арабского происхождения, широко использует это слово именно в этом смысле.

Основным критерием классификации был критерий вероисповедания. Разные религиозные меньшинства были организованы в религиозно-политические общины, каждая со своими собственными законами и вождями. Большинство принадлежало к умме, то есть мусульманской общине или народу. Ее члены считали себя в первую очередь мусульманами. Если требовалась дальнейшая классификация, она могла быть территориальной – египтяне, сирийцы, иракцы – или социальной – горожане, крестьяне, кочевники. Именно к этой последней и относился термин «араб». В нем сохранилось так мало от этнического смысла, что мы находим даже, как он порой применяется к неарабским кочевникам курдского или тюркского происхождения. В то время, когда господствующий общественный класс в умме был в основном турецким – как, например, на протяжении многих веков на Ближнем Востоке, – иногда мы находим, что термин «сыны арабов» или «дети арабов» (абна аль-араб или авлад аль-араб) применяется к арабоязычным горожанам и крестьянам, чтобы отличить их от турецкого правящего класса, с одной стороны, и от кочевников, то есть собственно арабов, с другой.

В разговорном арабском языке такое положение остается в основном неизменным до наших дней, хотя турок сменил другой господствующий класс. Однако среди интеллигенции арабоязычных стран произошло иное изменение с далекоидущими последствиями. Быстрый рост европейского влияния в этих областях принес с собой европейскую идею народа или нации как людей с общей родиной, языком, характером и политическими стремлениями. С XVI века Османская империя правила большинством арабоязычных народов Ближнего и Среднего Востока. Влияние национальной идеи на народ, претерпевающий бурные социаль-

ные перемены, вызванные наступлением западного империализма, породило первые зачатки арабского возрождения и национального движения, направленного на создание независимого государства или государств. Движение началось в Сирии, и его первые вожди, по-видимому, мыслили только в рамках этой страны. Вскоре оно распространилось на Ирак и в последующие годы наладило более тесные отношения с местными национально-освободительными движениями в Египте и даже в арабоязычных странах Северной Африки.

Для теоретиков арабской национальной независимости арабы являются нацией в европейском смысле этого слова, включающей в себя всех людей, находящихся в определенных границах, говорящих по-арабски и хранящих память о былом величии арабов. Есть разные мнения о том, где проходят эти границы. По представлениям одних, они включают в себя только арабоязычные страны Юго-Западной Азии. Другие прибавляют к ним Египет, хотя эта идея вступает в конфликт с мнением множества египтян, которые рассматривают свое стремление к независимости, или патриотизм, с египетской, а не арабской точки зрения. Многие включают туда весь арабский мир от Марокко до границ Ирана и Турции. Исходя из этой позиции общественные различия между оседлым населением и кочевниками утратили прежнее значение, несмотря на то что в разговорном языке словом «араб» по-прежнему называют бедуинов. Религиозные различия в обществе, в котором долго господствовали теократические принципы, отбросить не так легко. Хотя немногие из идеологов движения готовы это признать, многие арабы до сих пор исключают из своего числа тех, кто хоть и говорит по-арабски, но отказывается от веры арабов и тем самым от большей доли цивилизации, формированию которой она способствовала.

Итак, подведем итог: термин «араб» впервые встречается в IX веке до н. э. применительно к бедуинам северной Аравийской степи. Оседлые народы соседних стран употребляли его в этом смысле на протяжении нескольких столетий. Греки и римляне распространили его на весь полуостров, включая оседлых жителей оазисов и относительно развитую цивилизацию на юго-западе. В самой Аравии, по-видимому, он ограничивался кочевниками, хотя общий язык и оседлых и кочевых аравитян назывался арабским. После исламских завоеваний и в период Арабской империи этим термином отделяли завоевателей арабского происхождения от масс покоренных народов. Когда Арабское царство трансформировалось в космополитическую исламскую империю, он стал обозначать – скорее во внешнем, чем во внутреннем употреблении, – разнородную культуру этой империи, творимую людьми многих национальностей и религий, но выраженную на арабском языке и обусловленную арабскими вкусами и традициями. При слиянии арабских завоевателей и арабизации завоеванных и их общем подчинении другим правящим элементам он постепенно утратил свое этническое содержание и стал социальным термином, который применяется в основном к кочевникам, сохранившим изначальный арабский образ жизни и язык вернее, чем кто-либо другой. Арабоязычные народы оседлых стран, как правило, называют просто мусульманами, иногда «сыновьями арабов», чтобы отличить их от мусульман, говорящих на других языках. И хотя все эти разнообразные употребления сохранились в некоторых контекстах до наших дней, все большее значение приобретает новое, появившееся под влиянием Запада в течение XX века. Оно касается арабоязычных народов как нации или группы братских наций в современном смысле этого слова, связанных общей территорией, языком и культурой и общим стремлением к политической независимости и единству.

Гораздо более простая задача – рассмотреть, в какой степени «арабскость» распространена в настоящее время. Арабоязычные страны делятся на три группы: Юго-Западную Азию, Египет и Северную Африку. Самой крупной арабской территорией в первой группе является сам Аравийский полуостров. Большую его часть занимает Королевство Саудовская Аравия, где, несмотря на огромное богатство, накопленное за счет нефтяных доходов, по-прежнему

существует патриархальная монархическая власть и население которой, за исключением крупных городов и зон промышленной застройки, в значительной степени остается сельским и кочевым. Республиканский переворот против монархии в соседнем Йемене в 1962 году положил начало гражданской войне, которая продолжалась до 1967 года. В том же году колония и протекторат Аден получил независимость в качестве Народной Республики Южного Йемена. После длительного периода соперничества два Йемена окончательно объединились. Остальная часть полуострова на юго-востоке и востоке состоит из ряда эмиратов, управляемых давно установленными династиями. К 1971 году страны Персидского залива тоже получили независимость и большинство из них вошло в Объединенные Арабские Эмираты.

К северу от Аравии лежат земли Плодородного полумесяца: до 1918 года провинции Османской империи, а ныне государства Ирак, Сирия, Ливан, Иордания и Израиль. Именно в этих странах процесс арабизации пошел дальше всего и сильнее всего укоренилось чувство арабской идентичности. К Арабской Азии в северо-восточной оконечности Африки примыкает Египет, самое густонаселенное, наиболее развитое и однородное из арабоязычных государств, с давней традицией политического стремления к независимости и самостоятельным политическим существованием в наше время. В феврале 1958 года к Египту присоединилась Сирия в Объединенной Арабской Республике, но вышла из нее в 1961 году. Египет какое-то время сохранял название ОАР, но затем изменил его на Арабская Республика Египет.

К западу от Египта на Африканском континенте бывшая итальянская колония Ливия стала независимой монархией в декабре 1951 года и революционной республикой в 1969 году. Тунис и Марокко были признаны независимыми в 1956 году, Алжир – в 1962 году после долгой и упорной борьбы. В большинстве этих стран смешанное население, в основном говорящее на арабском языке, с меньшинством, говорящем на берберском, особенно в Марокко. К югу от Египта и Северной Африки, на границе между арабской и Черной Африкой, располагается целый ряд государств со смешанным арабским и негритянским населением: Судан, получивший независимость в 1956 году, Чад – в 1960 году и Мавритания, ставшая независимой в том же году. Кроме того, отдельные арабские общины встречаются среди преимущественно черного населения дальше на юг, а также значительное арабское меньшинство проживает в Иране, Израиле и Турции. В последней четверти XX века довольно крупные арабские общины образовались за счет иммиграции в Западной Европе, особенно во Франции, а также в Северной Америке. Общее число говорящих на арабском языке в Азии и Африке обычно оценивается более чем в 200 миллионов, из которых более 55 миллионов живут в Египте и более 60 миллионов – в Северной Африке.

Эти страны имеют много общего. Все они находятся на границе пустыни и культивируемой земли и с древнейших времен до наших дней сталкивались с вечной проблемой вторгающихся кочевников. Две из важнейших стран, Египет и Ирак, находятся в орошаемых долинах крупных рек и с древнейших времен являются пересечениями торговых путей и централизованными государствами. Почти все они – аграрные страны с более или менее одинаковым общественным укладом и правящими классами, хотя внешние формы и даже социальные реалии меняются, по мере того как на всех их по отдельности влияет современный мир – в разное время, разными путями, с разной скоростью. Все, кроме самой Аравии, были приобретены арабами и исламом за счет великих завоеваний, и все они унаследовали одно и то же великое достояние: язык, религию и цивилизацию. Однако разговорный язык, как и религия, культура и общественные традиции, имеет множество местных различий. Давнее раздельное проживание и огромные расстояния способствовали тому, что у арабов в слиянии с различными местными культурами возникли активные локальные варианты общей традиции, иногда, как, например, в Египте, с глубоко укорененным ощущением местной национальной идентичности.

Среди покоренных народов тут и там были те, кто отказался от языка или религии завоевателей или и от того и от другого, сохранившись как мусульмане, но не арабы, например курды

или берберы в Ираке и в Северной Африке; либо как говорящие по-арабски, но не мусульмане, например марониты и копты в Ливане и Египте. Новые секты возникли в самом исламе, иногда под воздействием ранее существовавших культов. Так, шииты и езиды появились в Ираке, друзы – в Сирии и Ливане, зейдиты и исмаилиты – в Йемене. Современная эпоха, воздействуя на арабские земли значительно отличающимися друг от друга процессами, принесла с собой новые факторы раздробленности, происходящие из разницы социальных уровней, а также различия региональных и династических интересов. Но современные события также усиливают и факторы единства: быстрый рост современных коммуникаций, благодаря чему разные части арабского мира могут наладить более тесные и более быстрые связи друг с другом, нежели когда-либо прежде; распространение образования и грамотности, которые придают больший размах объединительному влиянию общего письменного языка и памяти; и, что самое очевидное, новая солидарность в противостоянии иностранному господству и влиянию.

Нам остается рассмотреть в этих вводных заметках лишь одну последнюю проблему. Европейец, пишущий об исламской истории, вынужден действовать в рамках одного специфического ограничения. Пользуясь западным языком, он неизбежно употребляет западные термины. Но эти термины основаны на западных категориях осмысления и анализа, которые сами возникли на основе западной истории. Их применение к иному обществу, порожденному иными традициями и иным образом жизни, в лучшем случае может быть лишь аналогией и может приводить к неверному толкованию. Возьмем пример: такие пары слов, как «церковь» и «государство», «духовный» и «мирской», «клерикальный» и «светский», не имеют реальных аналогов в мусульманском узусе вплоть до Новейшего времени, когда они были созданы – либо заимствованы у арабских христиан – для передачи современных идей; выражаемые ими дихотомии были неизвестны средневековому мусульманскому обществу и не имели выражения в средневековом мусульманском сознании. Общность ислама была церковью и государством в одном лице, где оба становились неотличимы друг от друга; его правитель – халиф был одновременно и светским и религиозным главой. Опять же, термин «феодализм», строго говоря, относится к общественному устройству, которое существовало в Западной Европе между распадом Римской империи и началом нового порядка. Его применение к другим регионам и другим периодам, если только не дать им тщательнейшее определение в новом контексте, неизбежно создает впечатление, будто описываемый тип общества идентичен или по крайней мере похож на западноевропейский феодализм. Но нет двух совершенно одинаковых обществ, и, хотя общественный порядок в исламе в определенные периоды может проявлять целый ряд значительных сходств с западноевропейским феодализмом, это ни в коей мере не оправдывает их отождествления, которое подразумевается при неразборчивом использовании термина. Такие слова, как «религия», «государство», «суверенитет», «демократия», означают совершенно иные вещи в исламском контексте и, более того, отличаются по смыслу даже в разных частях Европы. Однако употребление таких слов неизбежно, если автор пишет на английском языке, да и, если уж на то пошло, на современных языках Ближнего Востока, находившихся более века под влиянием западного образа мышления и классификации. На следующих страницах их надлежит всегда понимать в их исламском контексте и не следует воспринимать как схожие с соответствующими западными институтами в большей степени, чем указано для конкретного случая.

Глава 1. Доисламская Аравия

*Пророчество о пустыне приморской. – Как бури на юге носятся,
идет он от пустыни, из земли страшной.
Ис., 21: 1*

Аравийский полуостров образует огромный прямоугольник площадью более 3 миллионов квадратных километров. На севере он граничит с рядом областей, часто называемых Плодородным полумесяцем, – Месопотамией, Сирией и Палестиной – и окружающей их пустыней; на востоке и юге – с Персидским заливом и Индийским океаном; на западе – с Красным морем. Юго-западные районы Йемена представляют собой гористую местность с развитой системой ирригации, которая с давних пор способствовала развитию сельского хозяйства и процветающей и относительно передовой оседлой цивилизации. Остальная часть страны представляет собой безводные степи и пустыни, перемежаемые лишь редкими оазисами и пересекаемые немногими караванными и торговыми путями. Население в основном состояло из скотоводов и кочевников, которые существовали за счет своих стад и набегов на оазисы и соседние возделанные провинции.

На Аравийском полуострове есть пустыни разных видов. Самые значительные, по арабской классификации, – это Большой Нефуд, безбрежное море огромных песчаных барханов, которые образуют ландшафт с постоянно меняющимися чертами; Хамад с более твердой почвой, расположенный ближе к Сирии и Ираку; степной регион, где земля плотнее, и, когда время от времени выпадают дожди, он вдруг на короткое время покрывается растительностью; и, наконец, безбрежная и непроходимая песчаная пустыня на юго-востоке. Сообщение между этими районами было трудным и ограниченным, путешественникам в основном приходилось полагаться на вад¹, так что жители разных частей Аравии мало контактировали друг с другом. Центр и север полуострова арабы традиционно делят на три области. Первая из них – Тихама, это семитское слово означает «низменность» и применяется к песчаной наклонной равнине на побережье Красного моря. Затем, если двигаться на восток, это Хиджаз, то есть «преграда». Так первоначально называли только горную цепь, отделяющую прибрежную равнину от плато Неджд, но затем оно стало включать и большую часть самой прибрежной равнины. К востоку от Хиджаза лежит большая внутренняя возвышенность Неджд, большая часть которой состоит из пустыни Нефуд.

С давних времен Аравия была транзитной зоной между странами Средиземноморья и землями, находящимися дальше на восток, и ее история в большой степени зависела от прерывностей сообщения между Востоком и Западом. Сообщение и на самом полуострове, и за его пределами зависело от его географических особенностей и в силу этого проходило по нескольким четко определенным линиям. Первая из них – маршрут через Хиджаз, идущий от портов Красного моря и внутренних пограничных аванпостов Палестины и Трансиордании вдоль внутренней стороны хребта на побережье Красного моря и далее в Йемен. В разное время это был караванный путь между империей Александра и его преемников на Ближнем Востоке и расположенными дальше странами Азии. Также это был маршрут Хиджазской железной дороги, построенной в первые годы XX века. Второй маршрут проходит через Вадиад-Давасир от северо-восточной оконечности Йемена до Центральной Аравии, где соединяется с другим маршрутом – в Вадирум и идет в Южную Месопотамию. В древности это был основной путь сообщения между Йеменом и цивилизацией Ассирии и Вавилона. И наконец,

¹ Вадии – сухие русла рек и речные долины, заполняемые водой во время сильных ливней. (Здесь и далее примеч. пер.)

Вади-Сирхан связывает Центральную Аравию с юго-восточной частью Сирии через оазисы Эль-Джауфа.

Пока мы не получим возможность раскопать историю Аравии, как мы раскопали историю Египта, Сирии и Месопотамии, ее первые века останутся для нас туманными, и исследователю придется с опаской прокладывать путь среди обломков полупостроенных и полуразрушенных гипотез, которые историк не может ни полностью достроить, ни окончательно сровнять с землей при таком скудном имеющемся у него арсенале фактов. Пожалуй, самая известная из них – это концепция Винклера-Каэтани, названная так по имени ее двух самых выдающихся сторонников. В соответствии с ней Аравия в древности была плодородной страной и первой родиной семитских народов. За тысячелетия она прошла через процесс устойчивого иссушения, оскуднения ресурсов и водных путей и расширения пустыни на счет возделанных земель. Снижение плодородности полуострова вместе с увеличением числа жителей привело к ряду кризисов перенаселения и вследствие этого к повторяющимся нашествиям семитских народов полуострова на соседние страны. Именно эти кризисы привели ассирийцев, арамейцев, хананеев (включая финикийцев и евреев) и, наконец, самих арабов в Плодородный полумесяц. Историческими арабами, таким образом, следует считать однородный остаток после тех великих вторжений, имевших место в древней истории.

Хотя до сих пор не проведено тщательное геологическое изучение Аравии, в поддержку этой теории все же открылись некоторые данные в виде высохших водных путей и других признаков прошлого плодородия. Однако нет никаких доказательств того, что этот процесс иссушения произошел уже после того, как на полуострове поселились люди, как и того, что оно происходило с достаточно высокой скоростью, чтобы оказывать непосредственное влияние на деятельность человека. Есть также некоторые филологические факты в пользу теории, а именно то, что арабский язык, хотя он и позже остальных семитских языков сформировался в качестве литературного и культурного инструмента, тем не менее во многих отношениях является старейшим из них по своей грамматической структуре и, следовательно, ближайшим к предполагаемому исходному протосемитскому языку. Итальянский ученый Игнацио Гвиди выдвинул альтернативную гипотезу, назвав родиной семитов Южную Месопотамию и отметив, что, хотя семитские языки имеют родственные слова со значением «река» и «море», у них нет родственных слов со значением «гора» или «холм». Другие ученые предлагали на эту роль Африку и Армению.

Национальная арабская традиция делит народ на две основные ветви: северную и южную. Это разделение отразилось в главе 10 Бытия, где приведены две родословные от Сима для народов Юго-Западной и Центральной и Северной Аравии, последний из которых ближе к евреям. Этнологический смысл этого разделения неизвестен и, возможно, останется таковым. Впервые в истории оно появляется в языковых и культурных терминах. Арабский язык юга Аравии отличается от языка севера, из которого в конечном счете развился классический арабский. Он использует иной алфавит, известный нам из надписей, связан с эфиопским языком и письменностью, возникшей у переселенцев из Южной Аравии, которые создали первые центры эфиопской цивилизации. Другое важное отличие заключается в том, что южные арабы были оседлыми.

Хронология древней истории южных арабов неясна. Одно из самых ранних царств, которые встречаются в хрониках, – это Саба или Сабейское царство, возможно тождественное библейскому Савскому, чья царица вступила в отношения с царем Соломоном. Сабейское царство могло существовать еще в X веке до н. э. Изредка оно упоминается уже с VIII века, а в VI веке есть сведения о нем как о развитом государстве. Около 750 года до н. э. один из сабейских царей построил знаменитую Марибскую плотину, которая долгое время управляла сельскохозяйственной жизнью царства. Сабейское царство поддерживало торговые связи с африканскими странами на противоположном побережье и, вероятно, с более далекими государствами.

Сабей, по всей видимости, широко осваивали Африку и основали царство Абиссиния, название которого происходит от слова «хабашат», которым называли юго-западных арабов. Эфиопия по-арабски до сих пор называется Хабаши.

После того как завоевания Александра Македонского наладили связи между средиземноморским миром и далеким Востоком, увеличение объема сведений в греческих источниках свидетельствует о растущем интересе к Южной Аравии. Египетские цари династии Птолемеев посылали корабли через Красное море для исследования арабского побережья и торговых путей в Индию. Их преемники на Ближнем Востоке сохранили этот интерес. К концу V века н. э. Сабейское царство уже находилось в состоянии значительного упадка. Мусульманские и христианские источники указывают, что оно попало под власть химьяритов, другой южной арабской народности. Последний из химьяритских царей Зу Нуас перешел в иудаизм. В отместку за преследование византийцами евреев он принял репрессивные меры против христианских переселенцев в Южной Аравии. Это, в свою очередь, привело к ответным шагам в Византии и в Эфиопии, к тому времени уже ставшей христианским государством, и предоставило последний повод и возможность сразу и отомстить за гонения на христиан, и завладеть ключом к торговле с Индией. Сабейскому царству пришел конец после успешного эфиопского вторжения при поддержке местных христиан. Эфиопское правление в Йемене продолжалось недолго. В 575 году н. э. персидское войско вторглось в страну и без особого труда покорило ее, превратив в сатрапию. Персидское правление тоже оказалось недолговечным, и ко времени мусульманских завоеваний от него почти не осталось следов.

Основу общества на юге Аравии составляло сельское хозяйство, и надписи, в которых часто упоминаются плотины, каналы, трудности с охраной границ и земельная собственность, указывают на высокую степень развития. Помимо зерновых культур южные аравийцы производили мирру, ладан и другие благовония и пряности. Они были главной статьей их экспорта, и в средиземноморских странах пряности из Южной Аравии, которые часто путали с прибывшими через нее из более далеких земель, создали ей почти легендарную репутацию богатой и процветающей страны: в античном мире ее называли Аравия Эвдемон или Аравия Феликс (Счастливая). Аравийские пряности оставили множество следов в западной литературе от «арабских сокровищ» у Горация до «всех благовоний Аравии» у Шекспира и «пряных берегов Аравии Блаженной» у Мильтона.

Политическая организация Южной Аравии была монархической, и власть, видимо, переходила от отца к сыну. Цари не считались божественными, как и везде на Востоке, и их полномочия, по крайней мере в определенные периоды, были ограничены советами знати, а на более позднем этапе своего рода феодализмом, когда местные аристократы управляли из своих замков вассалами и крестьянами.

Религия Южной Аравии была политеистической и в общих чертах, хотя и не в подробностях, схожа с религиями других древних семитских народов. Храмы были важными центрами общественной жизни и владели значительными богатствами, которые находились в распоряжении первосвященников. Сам урожай пряностей считался священным, и одну его треть оставляли для богов, то есть для жрецов и священнослужителей. Хотя в Южной Аравии была известна письменность и сохранилось много надписей, нет никаких признаков существования каких-либо книг или литературы.

Переходя от Южной к Центральной и Северной Аравии, мы обнаруживаем совсем иную историю, основанную на гораздо более скудных сведениях. Мы видели, что ассирийские, библейские и персидские источники время от времени упоминают кочевые народы центра и севера. Южные аравийцы, по всей видимости, тоже селились на севере, вероятно с целью торговли. Наши первые подробные сведения датируются периодом Античности, когда благодаря эллинистическому влиянию из Сирии и периодическому использованию западноаравийских

торговых путей образовался ряд полуоседлых приграничных государств в Сирии и пустынных землях Северной Аравии.

Эти государства, хотя и арабские по происхождению, находились под сильным влиянием эллинизированной арамейской культуры, и обычно в их надписях использовался арамейский язык. Их арабский характер раскрывается лишь в собственных именах. Первым таким государством и, возможно, самым важным была Nabatea, которая господствовала в период своего наибольшего могущества на территории от залива Акаба до Мертвого моря на севере, и в том числе на большей части Северного Хиджаза. Первый царь, известный из надписей, – это Арета (по-арабски Харита), который упоминается в 169 году до н. э. Его столица находилась в Петре, что в современной Иордании. Первые контакты Nabatean царства с Римом относятся к 65 году до н. э., когда Помпей побывал в Петре. Римляне установили дружественные отношения с этим аравийским царством, которое служило своего рода буфером между возделанными областями Римского Востока и неосвоенной пустыней. В 25–24 годах до н. э. Nabatean царство служило базой для экспедиции Элия Галла. Эта экспедиция, посланная Августом для завоевания Йемена, была единственной попыткой римлян проникнуть в Аравию. Ее побудительным мотивом был контроль за южными выходами торговых путей в Индию. Погрузившись на корабли в Nabatean порту на Красном море, Элий Галл сумел высадиться в Западной Аравии и проникнуть в глубь территории. Его поход, однако, закончился полным провалом и позорным уходом римлян.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.